

Отзыв о диссертации Кузьминой М. К. «Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV – XVII вв.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертационное исследование М. К. Кузьминой посвящено популярной в современной медиевистике теме. Однако совсем немногие современные медиевисты целенаправленно исследуют функции и тем более типологию библейских цитат. Чаще всего эта тема рассматривается в ходе текстологических и источниковедческих штудий. При этом критерии выявления той или иной цитаты современными учеными сформулированы и различно, и, главное, весьма размыто, а это нередко приводит к спорным результатам. Кроме того, исследователи, найдя цитату, обычно тотчас же берутся реконструировать скрытый в ней смысл, сопрягая последний с общим смыслом изучаемого произведения, что не всегда соответствует его реальной содержательной сути.

Именно поэтому давно назрела потребность появления такого научного труда, в котором предельно точно были бы сформулированы критерии выявления и классификации библейских цитат в средневековой литературе, как, впрочем, и в литературе Нового времени. И диссертация М. К. Кузьминой являет собой весьма решительный шаг в эту сторону.

Осознавая неполноту имеющихся исследований в области методологии описания библейской интертекстуальности применительно к древнерусскому литературному материалу, М. К. Кузьмина начинает свою работу с краткого анализа современных литературоведческих и лингвистических работ, посвященных описанию и осмыслению цитат как явления литературного творчества и их классификации. При этом она вполне справедливо проводит разграничение между интертекстуальной терминологией применительно к литературе Нового времени и по отношению к литературе древнерусской. Так, термин «скрытая цитата», введенный З. Г. Минц, по мнению диссертантки, не годен для характеристики средневековых литератур, ибо скрытая цитата в Новой литературе — это неотрибутированная цитата, рассчитанная на узнавание в границах определенного круга посвященных лиц. В литературе же Древней Руси неотрибутированные библейские цитаты чаще всего употреблялись для обогащения и углубления смысла произведения и не были рассчитаны на узнавание. В методологии выявления подобных скрытых цитат М. К. Кузьмина опирается на результаты разысканий И. Н. Данилевского, сделанные в процессе изучения поэтики древнерусского летописания.

В первой главе диссертации содержится классификация всех цитат — более 2300, найденных в результате анализа весьма внушительного числа преподобнических житий — 65 памятников. И надо отдать должное масштабности осуществленной в связи с этим работы. По наблюдениям М. К. Кузьминой, к наиболее типичной функциональной разновидности библейских цитат относятся цитаты-топосы: «общие места, переходящие из одного жития в другое», цитаты, которые отсылают не к библейскому первоисточнику, а «к топосу как неизменному составному элементу композиционной схемы жанра жития».

Соответственно, каждая из пяти последующих глав диссертации при описании интертекстуальной системы той или иной части Библии начинается с описания цитат-топосов. В первую очередь исследовательница, стремясь к описанию того или иного характерного мотива агиографического канона, анализирует наиболее часто используемые цитаты, затем — по принципу уменьшения заканчивает теми, которые были реализованы в идентичной функции пятью и меньше. Внутри сильных, то есть самых употребимых, цитат-топосов выделяются разные ядра значений, — случаи, когда одна цитата передает несколько разных типичных мотивов.

Как устанавливает М. К. Кузьмина, чаще всего в агиографических текстах реализуется библейская цитата-топос из Первой книги Царств – 1 Ц. 2:30 «...*Прославляющая мя прославит, и уничижая мя безчестен будет*». В исследованных памятниках она встречается 42 раза. Найденные реализации сформировали семь семантических ядер, сопряженных, например, с мотивами «симфонии между Богом и святым» (С. 136), «суетной славы, распространяющейся о преподобном против его воли в монастыре» и тяготящей его (С. 138) и т. д.

Отдельно, в параграфах под заголовком «Индивидуально-авторские цитаты» исследовательница рассматривает цитаты, которыми в повествование вводятся нетипичные, оригинальные мотивы и интерпретации описываемых событий. Специфика такого рода цитат состоит в «новаторстве агиографа» применительно к «построению кроссконтекстуальных связей, соотносящих семантические валентности библейского и агиографического контекстов», когда само оно, новаторство, обуславливается, в свою очередь, «нестандартностью описываемой ситуации» (С. 57).

Отбрав сюжетные топосы в составе ядер значения топосных цитат, М. К. Кузьмина меняет логику своего анализа. Теперь, напротив, сюжетные топосы (оставление дома родителей, приход в монастырь пострига или оставление монастыря пострига, бесовские искушения в пустыне и т. д.) описываются с помощью отдельных единичных цитат (потенциальных топосов), а также слабых цитат-топосов в составе 2-4 реализаций, призванных так или иначе комментировать традиционный агиографический мотив.

Рассмотрев весь цитатный материал в соотношении «Библия — преподобническая агиография», исследовательница обнаруживает, что его распределение соотносится с разными целеустановками. Так, цитаты из Псалтири, в первую очередь, создают канву описания уединенной молитвы преподобного; исторические книги Ветхого Завета служат источником для большинства аллюзий в построениях агиографов; евангельские цитаты разделяются на две основные типологические разновидности — дидактическую топику в составе поучений преподобных и топику ассоциативную в сюжетном повествовании, сопряженную с принципом *imitatio Christi, Mariae, apostolis* и т. д.; цитаты из апостольских посланий обеспечивают сложную богословскую риторику относительно разных перипетий агиографического канона, а также неоднократно реализуются в качестве буквализмов, овеивая отвлеченность и метафоричность новозаветного контекста. Это очень важный результат исследования, — теоретическая основа для своеобразного семантического словаря.

Поскольку история изучения агиографического канона уходит корнями в медиевистику XIX века, М. К. Кузьмина постоянно держит в поле своего зрения труды Х. М. Лопарева, И. К. Яхонтова и других старых ученых, а также современных исследователей, особенно — Т. Р. Руди, являя при этом здравую и аргументированную критичность и стремление к объективной точности. В частности, утверждение Руди о том, что функция цитаты Деян 9:15 *«Рече же к нему Господь: иди, яко сосуд избран ми есть сей, пронести имя мое пред языки и царьми и сынми Израилевыми»* — дать «понять, что будущему иноку было суждено, подобно апостолу Павлу, достойно пронести имя Божие “пред языки”» (с. 460), подвергается автором диссертации обоснованной критике, поскольку в составе реализаций рассматриваемой цитаты нет ни одной цитаты из святительского или просветительского жития, тогда как ее наиболее характерной функцией является комментирование эпизода благословения преподобного подвижника маститым старцем, как правило, так же преподобным, на поступление в монастырь пострига (с. 462).

Следует отметить, что, несмотря на вполне целесообразное ограничение поля для исследовательских наблюдений только преподобнической разновидностью древнерусской агиографии как наиболее распространенной, характеризующейся наиболее последовательной реализацией канона и, соответственно, имеющей наиболее развитую систему библейских цитат, реализующих стандартные значения, работа М. К. Кузьминой, вопреки ее немалому объему, представляется лишь начальной ступенью в деле изучения широкого спектра библейских цитат на материале всей агиографии и — шире — всей литературы Древней Руси. Но при этом необходимо подчеркнуть, что рассматриваемая диссертация — все-таки весьма основательное начало изучения влияния Библии на литературное творчество в Древней Руси, поскольку колоссальный объем обозреваемого материала позволил исследовательнице выработать и опробовать единые принципы классификации и типологизации цитатного материала. И полагаю, этими принципами вполне можно руководствоваться при анализе других жанровых форм, характерных для древнерусской литературы. Собственно, предварительные попытки расширить область исследования интертекстуальной системы за счет иных разновидностей агиографического жанра намечены, хоть и гипотетически, в заключении к диссертации.

Не менее важным представляется и затронутый в работе вопрос о специфическом различии агиографической интертекстуальной системы и летописной. Думается, определенные методологические разногласия, возникшие между М. К. Кузьминой и И. Н. Данилевским, как раз и обусловлены разнородностью агиографического и летописного материала. Однако при этом исследовательница все-таки не задумывается напрямую о том, до какой степени выявленная ею система интертекстуальности преподобнических житий соотносима с поэтикой, например, хождений, посланий, воинских повестей, панегириков, бытовавших в древнерусской книжности как внутри летописания, так и отдельно. К сожалению, вне внимания М. К. Кузьминой остался и сравнительный аспект изучения цитатного материала применительно к разным редакциям одного и того же жития. Вероятно, в отдельных случаях это позволило бы глубже понять семантику и назначение цитаты в соотношении ее с

авторским замыслом. Приведу только один пример. Свое заключение о том, что библейское выражение *«Брашно же нас не поставляет пред Богом»* реализуется как топос идеи в пользу постничества, исследовательница иллюстрирует текстом пахомиевской переработки жития Сергия Радонежского. Согласно версии Логофета, юный подвижник Варфоломей отвечает на сетования матери о его ранней аскезе так *«Почто глаголы увещаеши мя от въздръжаниа... или не слышала еси божественаа писаниа, глаголющя: “Яко брашно и питие не представит нас пред Бога”?»*. В таком выводе нет ошибки. Но наблюдение было бы богаче при привлечении текста Епифания Премудрого, в котором содержится совсем другой ответ: *«Престани, мати моя! Что глаголеши?... Но слыши, Святое глаголет Писание: “Никто же да не похвалится в человецех, никто же чист пред Богом, аще и един день живота его будет, и никто же есть без греха, токмо един Бог без греха”...»*. Очевидно, что оба агиографа совершенно по-разному трактуют пост как один из путей к Богу и, соответственно, образ юного постника. Цитата, подобранная Логофетом, обнаруживает формализм и буквализм писателя, Епифаний же своей цитатой демонстрирует онтологическое мышление и задачи. По Логофету, Варфоломей постник без размышления, по Епифанию, — постник с глубоким чувством раскаяния в собственном недостатке. Отсюда возникает вопрос, правомерно ли в подобных случаях говорить собственно о топосе как о некоем предмете, взятом со склада, потому что так положено по проекту. Очевидно, что в ряде случаев цитаты подбирались древнерусскими авторами не просто с учетом литературной традиции и согласно канону, а ввиду их собственных идейно-эстетических интенций. Как бы то ни было, но текстологический компаративизм только обогатил бы рассматриваемое исследование.

Приходится также сожалеть, что в диссертации М. К. Кузьминой выявленные цитаты не соотнесены с конкретными славянскими библейскими текстами или списками, близкими времени создания того или иного жития. Впрочем, такая работа вряд ли возможна при отсутствии научного, основанного на полной текстологии, издания славянской Библии. Но возможно, что вовсе и не Библия напрямую, непосредственно служила источником цитат для древнерусских агиографов. Как известно, библейские ветхо- и новозаветные тексты (кроме *«Откровения»* Иоанна Богослова) являются составной частью, а также прообразовательной основой христианского общественного и частного богослужения. Псалтырь, паремийные и апракосные чтения, ирмосы и т. д., в сущности, ежедневно и репетитивно, в календарном и уставном порядке звучали и воспринимались в храмах и келейно, ими наполнены были богослужебные книги — Минеи, Октоихи, Триоди, Служебники, Требники и т. п. И это был самый доступный, находившийся буквально под рукой и на слуху, в постоянном употреблении источник знания, прежде всего, для духовной среды. Его бы так же, как мне представляется, следовало бы иметь в поле зрения при изучении библейской интертекстуальности. Однако и этот пласт древнерусской книжности плохо изучен текстологически, не говоря уж об изданиях.

Разумеется, высказанные претензии не следует относить к разряду недостатков

рассматриваемого научного труда. Они никак не влияют на общее весьма положительное впечатление от него. Они должны рассматриваться только как рекомендации, лишь намекающие возможные дальнейшие пути и аспекты развития темы о месте и роли Библии в древнерусской литературе.

Прежде чем перейти к необходимым заключительным пассажам, должен высказать еще одно мнение. Тема диссертации чрезвычайно перспективна, исследование исполнено весьма профессионально, его результаты в высшей степени интересны. Соответственно, текст данного научного труда будет практически полезен для самого широкого круга медиевистов и особенно лингвистов, литературоведов и культурологов. Поэтому всенепременно должен быть не только издан в настоящем его виде, но и продолжен. Его уже полученные результаты могут быть использованы в соответствующих учебных общих и специальных курсах в различных высших учебных заведениях.

Основные положения и выводы исследовательницы отражены в ее публикациях и в автореферате и полностью согласуются с содержанием представленного к защите текста диссертации.

Таким образом, рассмотренный труд соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, Кузьмина Мария Константиновна, бесспорно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук *по специальности 10.01.01 — русская литература*.

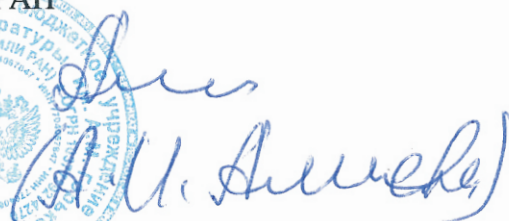
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела древнеславянских литератур
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
Тел.: 89162362072
Москва, ул. Отрадная, 1-30
e-mail: kvladimirm@mail.ru

Кириллин В.М.

Подпись В. М. Кириллина подтверждается.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Тел.: 8495690-50-30
Москва, Поварская, 25а
e-mail: info@imli.ru

(А.М. Анисимов)